АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТАННУ-ТУВИНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР, в. 8

Г. Д. САНЖЕЕВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

КР
117
9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1930

С30,
643/876

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТАННУ-ТУВИНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР, в. 8

879

Г. Д. САНЖЕЕВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1930

РГБ

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Февраль 1930 г.

Непременный Секретарь академик *В. Комаров*

Российская Государственная библиотека
Разрешено к продаже
Акт № 57 от 13.06.02.

Редактор издания академик Б. Я. Владимирцов

Начато набором в августе 1929 г. — Окончено печатанием в феврале 1930 г.

Тит. л. + 11 стр.
Ленинградский Областлит № 50758. — 13/16 печ. л. — Тираж 1000
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

Г. Д. САНЖЕЕВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ.

Ряд существующих работ по говорам бурят позволяет мне в отношении говора нижнеудинских бурят (ниже сокращенно — бурНу) ограничиться небольшой заметкой. Существенное отличие этого говора — которым после Castrén'a никто не занимался — заключается в ряде фонетических особенностей, которые были мною наблюдены во время моего кратковременного посещения улуса Кушӯм, расположенного в 40 *км* от города Нижнеудинска (к югу).

1. Прежде всего мне пришлось проверить показания словаря Castrén'a,[1] согласно которым исторические **q* и **k* в бурНу отражаются в виде смычного k. Как известно, **q* древнего языка в современных живых монгольских диалектах сохранился в виде заднеязычного спиранта x, а **k* дал (сохранившись только в ойратских диалектах и, как увидим ниже, в нашем бурНу) такой же спирант более переднего ряда.

Исторический согласный **q* в бурНу отражается в виде смычного и сильно аспирированного k̓ в следующих случаях

а) Если он следовал и следует непосредственно за л, р:

алk̓ă — убить	бурk̓ăң — бог
уһăлk̓ă — поить	амӣлk̓ă — дышать
дӯлk̓ă — петь	талk̓ăң — мукà
тарk̓ă — уходить	дарk̓ăң — кузнец.

[1] M. A. Castrén's Versuch einer Burjätischen Sprachlehre . . . St.-Pb., 1857. Нижнеудинские формы „Русско-монголо-бурятского словаря“ А. И. Подгорбунского (Иркутск, 1909) даны, повидимому, по Castrén'y.

б) Если его заместитель ныне находится в слогах, которым предшествуют слоги с переднеязычными т, д, з:

таќă — подкова
даќă — дохá
ᵏхазăќă — откусить
тâќă — угадать
даќăќă — следовать
тáбi̇ќă — поставить.

Во всех остальных условиях *q в бурНу превратился в аффрикативный ᵏх:

ᵏхарă — черный
ᵏхарɓʸі — путь
ᵏхӯрā — сухой
ṁiᵏхăң — мясо
ᵏхâшă — куда?
оңгŏᵏхă — вонять
очᵏхŏб — я пойду
ᵏхужă — всегда
ᵏхадă — гора
ᵏхāң — хан
ᵏхадăрăң — рыбка
ᵏхоjăр — два
ᵏхоṗiң — двадцать
ᵏхâңк̇iнā — откуда?
ᵏхатӯ — твердый
ᵏхурўɓăң — палец
ᵏхуṗiɓăң — ягненок
ноᵏхē — собака
ᵏхарќă — видеть
ᵏхалăk — увы!

Исторический *k в бурНу отражается также, как и в ойратских диалектах:

кензĕ — зелень
кŏwӯң — дитя
ескĕ — уставать
iṅêкĕ — смеяться
беркĕ — трудно
кӯр — слово
кекĕ — делать
ш̇ĕбкĕ — навоз
кēрĕ — поле
кŏдō — степь
кōкē — дитя.

Как видно из представленных примеров, бурНу знает долгий гласный ē и там, где прочие говоры дают ē.

Следует отметить, что *k перед i в бурНу отражается в виде палатализованного ṫ (< ẋ < *k; ṫ встречается, чередуясь с ċ, ш̇, ẋ в говорах унгинском и боханском[1]):

даṫiрќă — колобóлка
hаλṫiң — ветер
манаṫă — наш
hарṫiнсă — „книжка"
хаṅṫiрќă — звенеть
арṫă — вино
тамṫă — табак
ṁiнṫēң — мой
хубâṫă — безрукавка
ṫурӯ — иней.

[1] См. Г. Д. Санжеев. Песнопения аларских бурят, ЗКВ, т. III, стр. 464—465.

Палатализованный ṫ сохраняется, как видно, и в тех случаях, когда даже i в порядке регрессивной или прогрессивной ассимиляции превращается в другие гласные — а, у, е (ṫурӯ < ṫiрӯ < **kiraγu* и т. д.).

2. Чрезвычайно любопытно отметить, что в бурНу исторический **g* в некоторых случаях отражается, как сильно палатализованный ḋ:

тêṅḋĕ (< *тêṅjĕ < *тêṅѓi) — столб
теṅḋĕр (< *теṅjĕр < *теṅѓiр < **tengri*) — небо
маṅḋihăң (< *маṅjihăң < *маңгihăң) — лук (растение)
ḋiṅжĕ (< *jiṅжĕ < *ѓiṅжĕ) — цепь.

Как видно из представленных примеров, явление **g* > ḋ произошло под влиянием последующей гласной i; в других говорах (в аларском, например) находим только **g* > j, что уже печатно отмечалось.

В некоторых случаях ḋ в этом говоре является заместителем палатально-альвеолярного ж и слабого спиранта j, чего не наблюдалось ни в одном из монгольских говоров:

алдаḋĕ вместо алдажi — теряя
мартаḋĕ „ мартажi — забывая
ḋihĕң „ jihĕң < **yisün* — девять
ḋiрĕң „ jiрĕң — девяносто
ḋiдă (чаще — жiдă) — копье.[1]

Таким образом мы видим, что палатализующему предшествующий согласный гласному i наш говор обязан тем, что в нем наблюдаются подобного рода вышеотмеченные фонетические „переломы" (Brechung). Следует отметить, между прочим, следующие случаи палатализации согласных, частично отсутствующих в других бурятских говорах:

аḃiт вместо абᵃiт — берите
ṁŏhĕң „ мŏⁱhĕң — черемуха
ṁiнā — плеть
ṅурўɓăң — спина
ṅӯᵏхă — прятать
ṅiмāң — козел
годλŏ — стрела
доλôбŏр — палец.

[1] О *d* ~ *j* см. Б. Я. Владимирцов, Ср. грам. монг. письм. языка и халх. наречия. §§ 261—264.

Форма ṅімāṇ встречается в мандж. в виде *niman* — „козел“ и *nimadun* — „горный баран“ (следовательно **nima-* → мо. *imaγan*, ма. *niman* и т. д.) и в Алари в виде ṅāмāṇ. Любопытно тут же отметить, что унгинские ёḋе̂лхӗ и у̇не̄ṇ в бурНу представлены без палатализации: іḋе̂лкӗ (кормить), у̇не̄ṇ (корова), ніλке вместо ṅіλхӗ.

В некоторых случаях бурНу дает любопытные и ничем с исторической точки зрения и закономерности не оправдываемые формы:

кӱрјӗ < *кӱргеṇ < **kürgen* — зять
гёшо̄hӗṇ < ёшо̄hӗṇ — ива *(Salix)*.[1]

3. В отношении вокализма нахожу возможным ограничиться следующими краткими замечаниями:

Долгий гласный ē в бурНу часто наблюдается в непервых слогах в таких случаях, когда во всех прочих восточно-монгольских диалектах мы встречаем или ō ~ ō (бурятские, халхаские) или ā (дархатский и ойратские говоры); повидимому ē в бурНу является закономерным соответствием ойратского ā:

ду̇рē (бур., халх. до̇рō, ойр. дōрā) — стремя
тōрē (бур., халх. тōрō, ойр. тōрā) — заблудился
у̇рē р (бур. ёрōр, халх. јо̇рōл, ойр. јōрāл) — благопожелание.

В последнем из представленных примеров случае, с чем согласуются и в других случаях все говоры бурят, мы видим отсутствие начального спиранта ј, наблюдаемого в наречиях халхаском и ойратских.

Более или менее устойчиво сохраняется и не подвергается ассимиляции і — главным образом первого слога:

жідӑ (~ ḋідӑ) — копье	ḋіhӗṇ — девять
јікӗ (< **yeke*) — большой	hаḋі̄ҕӑ — косы в кольцах
шігешік — мизинец	жіра̄ᵏхӑ — пескарь
јірҕо̆ṇ — шесть	ḋірӗṇ — девяносто

Некоторые из этих представленных примеров (как, например, јірҕо̆ṇ < **jirγuγan* ‖ халх. ʒурга̄ ‖ дархат. ж̇урга̄ṇ ‖ эхирит. бул. јорҕо̆ṇ ‖ алар. жорҕо̆ṇ) при анализе окажутся интересными и с других точек зрения. В последних слогах, однако, мы имеем явления прогрессивной ассимиляции.

[1] У Подгорбунского неправильно указано в форме ішэгхэн (читай — іше̄hӗṇ, вероятно по словарю Castrén'a). Как любезно сообщил мне А. К. Богданов, и у боханцев встречается — гёшо̄hо̆ṇ ~ ёшо̄hӗṇ; у аларцев мы имеем — ёшо̄hо̆ṇ. Форму же ху̇рјӗ я нашел в говоре окинских бурят летом 1929 г.

Наличие долгого ī могу иллюстрировать следующими примерами:

іме — такой	hо̆гі̄т (бур. Алар. hёгі̄т) — бейте
ḃеті̄кӑṇ — малый	абі̄т (бур. Алар. абᵃі̄т) — берите
ш̇і̄кта̄ — сыро	ніλкӗ (бур. Алар. ṅіλхӗ) — соединить.

Неожиданно встретилась следующая форма с долгим ī: оṇгі̄јеті̄бӑ — издал зловоние (бур. Алар. уṇгӑтӑбӑ, форма прошедшего времени).

Устойчиво сохраняется в бурНу старый (древне-монгольский) гласный ö ~ о̇ < **ö*:

кӧкшо̆ṇ — старый	ӧбо̆ҕо̆ṇ — старик
шӧло̆ṇ — суп	ӧго̆но̆м — я даю
тӧмо̆р — железо	мо̇ṇго̆ṇ — серебро
ӧṇгӗ — цвет	о̇до̆р — день
о̇гло̄ — утро	мо̇ндо̆р — град
кӧwу̇ṇ — дитя	кӧко̆ — синий.

4. В отношении остальных гласных я только позволю себе ограничиться следующими примерами:

а, ā, ā.

самсӑ — женская шуба	са̂шӑ — дальше
јаhӑᵏхӑ[1] — делать	ула̄ṇ — красный
шабӑр — грязь	саҕа̄ṇ — белый
басӑҕӑṇ — девушка	ба̂ба̄ — отец!
далӑ — плечо	булҕа̂hӑṇ — юрта
заҕӑhӑṇ — рыба	газа̄ — вне
јаhӑṇ — кость	да̂ҕӑhӑṇ — жеребенок
шарӑ — желтый	са̂жӑ — девичья коса
бајӑṇ — богатый	дала̄ — море
алҕӑ — шов штанов	гаᵏха̄ — свинья
(вм. уга̄хӑ) угӑхӑ — мыть	ба̄ⁱхӑ — быть
уhӑнсо̄ — в воде	са̄ⁱхӑ — белеть

[1] јаhӑᵏхӑ соответствует ойрат. јасӑхӑ ‖ бурАл. заhӑхӑ ‖ *jasaχu* ‖ тюркск. јаса- (см. Словарь Радлова, т. III, стр. 214) ‖ мандж. *dasambi*.

амăŋ — рот
газăр — земля
адăhăŋ — скот
адă — дух-детоед
та́рā̄ŋ — зерно
намтā̄ — со мною
сā̄ — чай
сā̄ⁱдă — к чаю

e (ɛ), ē.

дêлкĕ (бурАл. дiлхĕ — побороть)
дêрĕ — выше
шêкĕ — мочиться
еркē — палец (большой)
гер — дом, изба
егĕшĕ [1] — старшая сестра
зêрдĕ — рыжий
енĕ — этот
берĕ — невестка
ебĕ (бурАл. iбi) — мать
екĕ — мать
iгĕhĕ (бурАл. ehĕjē) — войлок
дегĕл — мужская шуба
зет — медь.

Заметим здесь, что прочие бурятские говоры знают ē только в тех случаях, где в письменном языке в конце слов имеем *ai:*

нохē (<**noqai*) — собака
толҕē (<**toluγai*) — голова
шорē (‖ *siroi* <**sirui*) — пыль
могē (<**moγai*) — змея
орē (<**orai*) — верхушка.

Легко видеть, что имеем **ai* > ē только в тех случаях, когда этому дифтонгу предшествуют *и* и *о*. Ц. Ж. Жамцарано ē передавал как — oi, А. Д. Руднев — ō̈, Н. Н. Поппе передает как — ō̈ⁱ, пишущий эти строки в своих первых работах — ē.[2]

о, ō (ô), у, ȳ (ў).

номŏ — лук
зобоᵏхă — мучиться
ноjŏŋ — господин
ᵏхôhŏŋ — пустой
боhоᵏхă — бежать
омсŏк — губы
сомсŏҕē [3] — губы
оркă — входить
озокă — целовать
ошот — сходив
ō̈ⁱлҕŏᵏхŏ — понимать
оjôрăŋ — (его) дно
бôлтă — коса женщин
зуŋ [4] — лето
нȳр — озеро
нȳртă — у озера
нȳрсō — в озере
бурȳ — неверно

[1] Чаще вместо егĕшĕ употребляют аᵏхā̆, которое в прочих говорах значит „братец" (старший).

[2] А. К. Богданов в своих записях принимает ē.

[3] В бурАлар. значит — „гриб".

[4] У бурАлар. на́жīр.

олзă — находка
олăŋ — много
сōл — печь
ба́рȳ — теленок 2-х лет
ḣȳр — лицо
буᵏхă — бык.

ẏ ~ ȳ, ȳ̆, ȳ̄.

ўкĕр — корова
шўрĕ — маржа́н
мўлеhĕŋ — лед
бўhĕ — пояс
гўлĕр [1] — зеркало
ȳлĕŋ — туча
hȳл — хвост
ȳдĕŋ — дверь
нўгĕл — грех
шўткўр — чорт
hȳŋ [2] — молоко
кȳŋ — человек
тȳкē — незрелый
кȳзȳŋ — шея
шȳдрĕŋ [3] — роса
нȳкĕ — кочевать

ō̆, ō̈.

hōрҕō — обратно
ōhŏŋ — сам
ȯглō — завтра
нō̈ⁱтŏŋ — мокрый
кō̈ⁱhŏŋ — пена
бō̆лкĕ — камлать

Что касается количественной стороны гласных, то в бурНу, как и во всех прочих бурятских говорах, наблюдаются два типа долготы гласного: гласные „нормально" долгие и сверхдолгие. Подробностей я здесь касаться не буду, так как с исчерпывающей полнотой этот вопрос рассматривается в приготовленной к печати работе Н. Н. Поппе (Аларский говор), из которой мною заимствована система транскрипции звуков бурятских говоров, и укажу лишь, что сверхдолгие гласные не встречаются в односложных словах и на конце слова. Из двух долгих в одном слове первый всегда является более долгим, чем второй и исключения составляют только долгие гласные суффиксов Inessivi-Illativi и Plusquamperfekti. Вообще же, как правило, долгий гласный становится сверхдолгим, если за ним следуют еще другие слоги. В данной статье мне не всегда удалось различать их по техническим условиям.

Наличие в монгольских (бурятских, особенно) говорах двух типов долготы дало повод некоторым лингвистам утверждать,

[1] Как полагает Н. Н. Поппе, контаминация герĕл (бурАл.) 'зеркало' и хўлĕр 'бронза'.

[2] У бурАлар. ўhĕŋ, бурУнг. — hўŋ.

[3] шȳдрĕŋ ‖ бурАлар. шȳдĕр ‖ *sigüder*.

что в бурятских говорах ударение находится на последнем слоге. Этому мнению способствовало и то, что согласные слогов со сверхдолгой гласной артикулируются с некоторой аспирацией (отсюда теория о некотором повышении голоса на предшествующей согласной в слогах с несверхдолгими [недолгими] гласными). Замечательнее всего то, что эти лингвисты свое мнение об ударении на последнем слоге аргументируют этимологическими соображениями (а ведь ударение, выполняющее социально-значимую функцию, есть объективно-физическое явление, которое, как таковое, может быть подвергнуто экспериментальным исследованиям при помощи физических приборов).[1]

К вопросу об ударении в бурятских диалектах я вернусь в особой статье, составленной на экспериментально добытых материалах, а пока ограничусь заявлением, что по ужѐ сделанным наблюдениям ударение покоится, как общее правило, на первом слоге.[2]

5. Из морфологических особенностей в нашем говоре отмечу только форму образования порядковых числительных:

нежêткĕ — первый и т. д.	jiргôткă — шестой
хошôтка — второй	нāiмâткă — седьмой
гурбâткă — третий	долôткă — восьмой
дōрбōткĕ — четвертый	дihōткĕ — девятый
табâткă — пятый	арбâтка — десятый.

Показатель: — сверхдолгая V + тк ~ тk + V.

В прочих бурятских диалектах эти примеры будут представлять формы порядково-числительных множественного числа (т. е. первые и т. д.). Как мне известно, подобный способ образования порядково-числительных единственного числа существует, кроме бурНу, только в „говоре“ одного Алятского улуса (в Алари), да изредка в эпическом языке унгинцев. У Руднева (op. cit., стр. XLIII—XLIV) даны только формы единственного числа (без оговорки).

1 Бурятским Ученым Комитетом составлен новый алфавит (латинский), в котором гласные последних слогов будут обозначаться особой буквой, как неясно произносимые и, следовательно, неударенные.

2 А. Д. Руднев. ХБГ, §§ 76—82; Рамстедт. СФХГ, §§ 56—60; J. Schmidt. Grammatik der mongolischen Sprache. St.-Pbg. 1831, S. 31.

6. В лексико-семантическом отношении бурНу от прочих говоров отличается следующими явлениями, далеко не исчерпанными здесь.

Этот говор не знает слов: hамаҕăŋ — старухă, арă — задний, одō — ныне, ōрō — сам; вместо этих слов употребляются следующие слова, бытующие и в других говорах: кōкшōŋ емĕ, хōтkă, менō, бejēрē. Слову деҕĕл присвоено значение „мужской шубы“, для обозначения „женской шубы“ употребляется другое слово — самсă, которое в других говорах имеет значение — „рубашка“.

Слово сâжă по значению относится только к девичьей косе, „косе замужних женщин“ приурочено другое слово — бôлтă (в прочих говорах под первым словом подразумевают косу мужскую и женскую, а под вторым — украшение женской косы).

Кроме того — строго разграничены понятия: сōл — печь, гер — изба, булҕâhăŋ — юрта; эти слова в ряде других говоров по значению перепутаны. Слово булҕâhăŋ по форме очень близко к *bọl-γa-dun*, которое встречается в известной грамоте вдовы Дармабаловой (1321 г.) в значении „город“ — (в форме genitivus'a); к этому же слову по корню восходит наименование города Балаганск (в Иркутском округе).[1]

В заключение сообщаю некоторые сведения о самих нижнеудинских бурятах, фонетику говора которых я выше изложил.

До самого последнего времени нижнеудинцы никем из исследователей не посещались (если не считать Castrén'a; кроме того, в бумагах покойного моего учителя Л. Я. Штернберга найдена рукопись-отчет одного студента о поездке к нижнеудинским бурятам в 1911 г., которая ныне хранится в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР), и их селения для монголистов представляли собою terra incognita. Весною 1928 г. совещание монголистов в Азиатском Музее при участии председателя Ученого Комитета Бурято-Монгольской Автономной Республики Б. Б. Барадина вынесло пожелание, чтобы пишущий эти строки посетил нижнеудинцев, что было выполнено им во время своей поездки в Бурятию.

1 На это обстоятельство в своих лекциях обращал внимание Б. Я. Владимирцов.

Нижнеудины, по их смутным преданиям, перекочевали из Монголии около 250 лет тому назад, надо полагать, в результате движения ойратов; о деталях перекочевки их предания молчат.

По своему этническому составу эти буряты делятся на следующие роды: ^{k}хотôмӯт, тӯмêшĕ (< тӯмēӊ < темēӊ < **temegen* — верблюд), шара̄̆т, кӯлмêӊгĕ, мâйжірӑк, тура̄̆лӑк, ^{k}хоршо̆ӊ. Последние два рода собственно и бежали из Монголии, остальные же являются элементами адоптированными: кӯлмêӊгĕ и шара̄̆т без сомнения прибыли из Унги, где эти роды имеются; род мâйжірӑ^{k} вероятно тюркского происхождения (об остальных сказать что-либо очень трудно), и встречается также среди дархатов у Косогола.

В порядке гипотезы я допускаю мысль, что основная масса нижнеудинцев состоит из беженцев из Западной Халхи, где, быть может, существовали (как и ныне) некоторые диалекты, которые представляли нечто среднее между ойратским и халхаским языковыми мирами,[1] чем, возможно, и следует истолковывать фонетические особенности в бурНу. Некоторыми моими коллегами монголистами „к“ (k̊, ^{k}х) в бурНу принимается за результат тюркского влияния; это толкование не может быть оправдываемо тем, что соседями нижнеудинцев являются карагассы, ибо в бурНу мною элементы тюркизма не обнаружены; напротив, мы выше имели дӯрē < ойр. дōра̄, тōрē < ойр. тōра̄, jaha^{k}xӑ < ойр. jacaxӑ и т. д.

Уложением Сперанского в первой четверти XIX в. нижнеудинцы были включены в состав Унгинского ведомства, от которого они отошли в конце того же века и образовали Солонецкую Инородную Управу. До начала XIX в. они были подчинены „Приказной Избе Нижнеудинской Землицы“, архив которой, к сожалению, за год до моего посещения погиб от пожара. Ныне тамошние буряты вместе с русскими составляют Солонецкое сельское общество с общим сельсоветом во главе и живут в трех улусах: Кушум, Порог и Мунгэтэ-Була́к, которые расположены в 40—90 *км* к югу от г. Нужнеудинска. Эти улусы по внешнему виду ничем не отличаются от русских селений сибирского типа. Юрты почти не сохранились; внутреннее

[1] См. Б. Я. Владимирцов. О двух смеш. языках Западной Монголии, Яфетический Сборник II, 1923, стр. 32—52.

убранство и обстановка избы нижнеудинца ничем не напоминают бурятские жилища — все русское.

Занимаются ныне нижнеудинцы земледелием; скотоводство развито весьма слабо, ибо сибирские оводы очень вредны для рогатого скота. Особенно стали они заниматься земледелием с момента проведения сибирской железнодорожной магистрали. За последние годы благосостояние нижнеудинцев сильно пало, ибо вследствие земельной реформы Столыпина пришлые из Европейской России элементы вторглись в их лучшие земельные угодья. В связи с этим у них обнаруживается тяга к Бурятии.

Этнографически нижнеудинцы почти совсем обрусели, национальные костюмы сохранились только у женщин (обувь, головной убор, хуба̄̇тӑ и т. д.). Сохранились некоторые детали свадебного обряда (экзогамия, впрочем, не сохранилась; иногда берут жен среди унгинцев, обитающих около селения Зима), способы переработки молочных продуктов (зо̄̆кē — саломáт). Шаманство почти не сохранилось, изредка приглашают карагасских шаманов, которые устраивают для них тайлганы (бескровные) мифическому предку бурят — Бухӑ-najо̆ӊ'у. Они все православные и ревностные при том почитатели иркутского „святителя“ Иннокентия, изображение которого во весь рост можно видеть в каждой избе нижнеудинцев.

По внешнему виду нижнеудинцы ничем не отличаются от прочих бурят. По моим наблюдениям и по свидетельству самих нижнеудинцев, у них очень мало стариков старше 40—45 лет. В большинстве случаев многие из них бездетны,[1] общее число их достигает 350 душ обоего пола.

Так живет небольшое племя нижнеудинцев, оторванное от всех монголов, некогда дуновением мятежного духа ойратов отброшенное вглубь сибирской тайги и ныне не имеющее особого будущего, как ныне же оно не имеет своего прошлого, которое утеряно им в самую темную и безвестную эпоху монгольской истории — в XVII веке!

---

[1] Благодаря тому, вероятно, что участились случаи браков между близкими родственниками.

MONGOLIE DU NORD.

I. Compte rendu préliminaire des recherches exécutées en 1925 par les expéditions géologique, géochimique et pédologique-géographique. 1926. Prix Rbs. 3. 15.
Z. Lebedeva. — B. Kupletskij. — E. Kostyleva et N. Prokopenko. — B. Polynov et I. Krašeninnikov.

II. Compte rendu préliminaire des recherches exécutées en 1925 par les expéditions linguistique et archéologique. 1927. Prix Rbs. 2. 25.
B. Vladimircov. — G. Borovka.

III. Compte rendu sommaire de l'expédition Mongole-Tibétaine de 1923—1926 organisée par la Société Russe de Géographie. 1928. Prix Rbs. 1. 50.
P. Kozlov.

MATÉRIAUX DE LA COMMISSION POUR L'ÉTUDE DES RÉPUBLIQUES MONGOLE, DE TANNOU-TOUVA ET DE LA RÉPUBLIQUE AUTONOME BOURIATE-MONGOLE.

Livr. 1. Compte rendu préliminaire de l'expédition géologique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rb. 1.
B. Kupletskij.

Livr. 2. Compte rendu préliminaire de l'expédition botanique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rbs. 2.
N. Pavlov. — Ja. Prochanov et N. Ikonnikov-Galickij.

Livr. 3. Compte rendu préliminaire de l'expédition zoologique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rbs. 2. 25.
A. Formozov. — A. Tugarinov.

Livr. 4. Compte rendu préliminaire de l'expédition linguistique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rbs. 1. 25.
N. Poppe. — B. Bambajev.

Livr. 5. Statues funéraires au Dariganga. Voyage au Dariganga. Prix Rbs. 1. 50.
V. Kazakevič.

Livr. 6. Dialecte dahour (sous presse).
N. Poppe.

Livr. 7. Recherches géologiques dans la région des monts Batyr-chairchan (Mongolie du Nord-Ouest) en 1926. Prix Rb. 0. 75.
M. Neiburg.

Livr. 8. Les particularités phonétiques du parler des bouriates de Nijné-Oudinsk Prix Rb. 0. 25.
G. Sanžejev.